

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной
системы центра изучения проблем управления и организации исполнения
наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОБРАЩЕНИЯ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ В УСЛОВИЯХ СУВЕРЕННОГО ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ОПЫТА И ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК

Аннотация. В статье исследуются международные стандарты обращения с заключенными в их соотношении с российским уголовно-исполнительным законодательством и зарубежными пенитенциарными практиками. Актуальность темы обусловлена необходимостью сохранения гуманистического содержания исполнения наказания при одновременном учете конституционного приоритета, национальной правовой традиции, задач безопасности и суверенного развития российского права. Анализируются универсальные стандарты ООН, включая Правила Нельсона Манделы и Бангкокские правила, а также европейские и иные зарубежные подходы к организации лишения свободы. Показано, что российская модель исполнения наказания исторически сформировалась как колониальная, ориентированная на коллективное размещение, режимную регламентацию, труд и воспитательное воздействие, тогда как значительная часть зарубежных практик опирается на принципы нормализации, индивидуализации, динамической безопасности, внешнего контроля и ресоциализации. Обосновывается вывод о том, что суверенное правовое развитие не означает изоляцию от международных стандартов, а предполагает их содержательную, конституционно обусловленную и практически реализуемую адаптацию. Сделан вывод о необходимости перехода от формального учета международных стандартов к их функциональному освоению через развитие медицинского обеспечения, личной безопасности, механизмов жалоб, поддержания социальных связей, профессиональной подготовки персонала и индивидуализации исполнения наказания.

Ключевые слова: заключенные, осужденные, международные стандарты, Правила Нельсона Манделы, уголовно-исполнительная система, суверенное правовое развитие, ресоциализация, права человека, зарубежные пенитенциарные практики.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities
of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and
the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

INTERNATIONAL STANDARDS FOR THE TREATMENT OF PRISONERS IN THE CONTEXT OF SOVEREIGN LEGAL DEVELOPMENT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN EXPERIENCE AND FOREIGN PRACTICES

Annotation. The article examines international standards for the treatment of prisoners in relation to Russian penal legislation and foreign penitentiary practices. The relevance of the study is determined by the need to preserve the humanistic content of punishment execution while taking into account constitutional priority, national legal tradition, security requirements and the sovereign development of Russian law. The article analyzes universal United Nations standards, including the Nelson Mandela Rules and the Bangkok Rules, as well as European and other foreign approaches to

imprisonment. It is shown that the Russian model of punishment execution has historically developed as a colony-based system focused on collective accommodation, strict regime regulation, labor and educational influence, whereas many foreign practices rely on normalization, individualization, dynamic security, external oversight and social reintegration. The article substantiates the conclusion that sovereign legal development does not imply isolation from international standards, but rather their meaningful, constitutionally conditioned and practically feasible adaptation. The author concludes that it is necessary to move from formal recognition of international standards to their functional implementation through the development of medical care, personal security guarantees, complaint mechanisms, social ties, professional training of staff and individualization of punishment execution.

Key words: *prisoners, convicted persons, international standards, Nelson Mandela Rules, penal system, sovereign legal development, resocialization, human rights, foreign penitentiary practices.*

Вопрос о международных стандартах обращения с заключенными занимает особое место в современной уголовно-исполнительной науке, поскольку он находится на пересечении уголовной политики, конституционного права, международного сотрудничества, криминологии и практики государственного принуждения. Лишение свободы остается наиболее интенсивной формой уголовно-правового воздействия на личность, но именно в этой сфере государство наиболее отчетливо демонстрирует пределы допустимого принуждения, качество правовых гарантий и реальное содержание принципа уважения человеческого достоинства. Для российской правовой системы данная проблематика имеет дополнительное значение в условиях суверенного правового развития: современная модель не может строиться ни на механическом заимствовании зарубежных решений, ни на отрицании накопленного международного опыта. Требуется научно обоснованное соотношение универсальных гуманитарных требований, конституционной идентичности, национальных интересов, задач безопасности учреждений и реальных возможностей уголовно-исполнительной системы.

Международные стандарты обращения с заключенными не образуют единого кодифицированного акта, обязательного во всех деталях. Они представлены многоуровневой системой норм и рекомендаций, включающей общие акты о правах человека, специальные документы ООН, региональные стандарты, практику международных контрольных органов, профессиональные руководства и доктринальные подходы. Центральное место среди специальных актов занимают Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными, получившие название Правил Нельсона Манделы. Пересмотренный текст этих правил был принят Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией 70/175 от 17 декабря 2015 г. [10]. Для женщин-заключенных и женщин-правонарушителей особое значение имеют Бангкокские правила, принятые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 65/229 от 21 декабря

2010 г.; они конкретизируют гендерно чувствительные гарантии, связанные с размещением, медицинской помощью, материнством, социальными связями и применением мер, не связанных с лишением свободы [11]. Европейские пенитенциарные правила имеют региональную природу и после выхода России из Совета Европы не могут рассматриваться как внешний обязательный ориентир для Российской Федерации, однако их сравнительно-правовое значение сохраняется, особенно в части нормализации условий содержания, ограничения одиночного заключения, внешнего контроля и профессионализации персонала. Совет Европы в 2020 г. обновил соответствующие положения, в частности акцентировав необходимость национального ограничения срока одиночного заключения и регулярного контроля за такими заключенными [12].

Российская уголовно-исполнительная система обладает собственной исторической логикой развития. В отличие от многих государств, где основным типом пенитенциарного учреждения является тюрьма камерного типа, российское лишение свободы длительное время развивалось преимущественно как система исправительных колоний. В научной литературе справедливо отмечается, что эта особенность не является только организационно-технической: она влияет на режим, формы контроля, трудовую занятость, воспитательную работу, поддержание социальных связей, дисциплинарную практику и характер отношений между администрацией и осужденными [1; 4; 6]. Колонийская модель имеет определенные преимущества, поскольку позволяет организовывать труд, обучение и коллективные формы воспитательного воздействия, но одновременно порождает риски субкультурного давления, групповой иерархии, затрудненной индивидуализации, формального подхода к исправлению и недостаточной приватности. Поэтому прямое сопоставление российской системы с зарубежными тюремными моделями должно учитывать не только текст закона, но и институциональную среду исполнения наказания.

Нормативная основа российского подхода к обращению с осужденными закреплена прежде всего в Конституции Российской Федерации и Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Конституционное значение имеют положения о высшей юридической силе Конституции, признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина, равенстве перед законом и судом, охране достоинства личности и запрете пыток, насилия и иного жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения. Официальный текст Конституции фиксирует высшую юридическую силу и прямое действие Конституции, а также признание прав и свобод согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [13]. УИК РФ закрепляет принципы законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления и стимулирования правопослушного поведения. В числе основных прав осужденных указаны право на информацию о правах и обязанностях, право на вежливое обращение со стороны персонала, право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами, право на охрану здоровья, личную безопасность, свободу совести и вероисповедания. В действующей структуре УИК РФ отдельно выделены статьи 8, 10–15, включая основные права осужденных и право на личную безопасность [14].

Сравнение российского законодательства с международными стандартами показывает не столько отсутствие нормативного признания базовых гарантий, сколько неодинаковую степень их практической обеспеченности. В российском праве закреплены многие положения, совпадающие по смыслу с Правилами Нельсона Манделы: запрет унижающего обращения, требование законности дисциплинарного воздействия, право на медицинскую помощь, порядок направления жалоб, необходимость информирования осужденного, возможность поддержания связей с внешним миром, дифференциация условий содержания. Однако международные стандарты чаще формулируют не только запретительный минимум, но и управленческую философию обращения с заключенными: лишение свободы должно ограничивать только свободу передвижения и те права, которые несовместимы с самим фактом законного содержания под стражей, а повседневная организация учреждения должна максимально приближаться к нормальным условиям жизни, насколько это возможно с учетом безопасности. Именно в этой части российская практика нуждается не в декларативном повторении международных формул, а в институциональном наполнении: устойчивых механизмах контроля,

достаточном финансировании медицины, персональной ответственности за условия содержания, развитии индивидуальных программ исправления и подготовке персонала к ненасильственным методам управления.

Одним из ключевых различий между российским и многими зарубежными подходами является понимание режима. В российской традиции режим нередко воспринимается как совокупность запретов, обязанностей, распорядка, надзора и дисциплинарных требований. Такой подход соответствует задачам безопасности, но при чрезмерном расширении режимного элемента может подменять исправительное содержание наказания. В зарубежной практике, особенно в ряде европейских государств, режим рассматривается не только как средство охраны и изоляции, но и как среда ресоциализации. Поэтому большое значение придается нормализации быта, индивидуальному плану отбывания наказания, контакту с семьей, доступу к образованию, психологической помощи, социальным службам и подготовке к освобождению. В российской науке П. В. Тепляшин обоснованно связывает европейский пенитенциарный опыт с комплексом правовых, организационных и управленческих решений, которые не сводятся к внешнему контролю, а образуют особую модель пенитенциарного комплаенса и оценки соответствия практики заявленным стандартам [8]. Для России такой опыт значим не как обязательный образец, а как материал для отбора функционально пригодных решений.

Европейская модель обращения с заключенными в наиболее развитом виде опирается на принципы нормализации, динамической безопасности и ресоциализации. Нормализация означает, что условия жизни в местах лишения свободы должны по возможности сохранять социальные навыки человека, а не разрушать их. Динамическая безопасность предполагает, что безопасность учреждения обеспечивается не только стенами, решетками и санкциями, но и профессиональным взаимодействием персонала с заключенными, знанием индивидуальных рисков, ранним выявлением конфликтов, предотвращением насилия и управлением тюремной средой. Ресоциализация требует, чтобы наказание не заканчивалось простым физическим удержанием лица в учреждении, а включало подготовку к возвращению в общество. Для российской системы данные элементы особенно важны, поскольку коллективное размещение в колониях объективно повышает роль неформальных групповых процессов. Чем слабее индивидуальная работа с осужденным, тем больше значение субкультуры, стихийной иерархии и неформального контроля. Следовательно, международные стандарты в российском контексте должны использоваться пре-

жде всего как инструмент снижения внутрисистемных рисков, а не как внешняя идеологическая конструкция.

Англо-американские практики представляют иной тип зарубежного опыта. Для них характерны развитые процедуры классификации заключенных по рискам, широкое использование оценочных инструментов, программ коррекции поведения, специализированных режимов, а также значительная роль судебного и общественного контроля. Вместе с тем этот опыт неоднозначен. В США, например, высокий уровень тюремного населения, распространение строгих режимов безопасности, проблема длительной изоляции и коммерциализация отдельных элементов пенитенциарной сферы вызывают серьезную критику. Поэтому для российского права неприемлемо некритическое заимствование любой зарубежной модели только потому, что она сформировалась в экономически развитом государстве. Сравнительный анализ должен учитывать не лозунги, а доказуемую эффективность: снижает ли конкретная практика рецидив, уменьшает ли насилие, обеспечивает ли доступ к медицине, укрепляет ли законность, создает ли стимулы к правопослушному поведению и не разрушает ли управляемость учреждения.

Особое значение имеет медицинское обеспечение заключенных. Правила Нельсона Манделы исходят из того, что медицинское обслуживание в местах лишения свободы должно быть сопоставимо с доступным в обществе и организовано с учетом профессиональной независимости медицинского персонала. Российское законодательство также закрепляет право осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь. Статья 101 УИК РФ регулирует медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы, включая лечебно-профилактическую и санитарно-профилактическую помощь; в действующей редакции отдельно указывается ответственность администрации за соблюдение санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований [15]. Однако практическая проблема заключается не только в наличии нормы, но и в реальной доступности врача, своевременности диагностики, независимости медицинского заключения от режимных интересов, непрерывности лечения при этапировании и освобождении, а также в доверии осужденных к медицинской службе. Зарубежный опыт показывает, что медицинская служба в местах лишения свободы должна быть максимально отделена от дисциплинарной логики учреждения. Для России такой подход может быть реализован не путем разрушения ведомственной системы, а через усиление профессиональных гарантий медицинских работников, электронную фиксацию обращений, внешний санитарный кон-

троль и персональную ответственность за необоснованное игнорирование медицинских показаний.

Не менее значимым является вопрос личной безопасности осужденных. Международные стандарты требуют защиты заключенных не только от незаконного насилия со стороны персонала, но и от насилия со стороны других заключенных. Для российской колонийской модели это принципиально важно, поскольку коллективное размещение и развитая неформальная среда повышают значение профилактики межличностных конфликтов, вымогательства, унижения, сексуального насилия и иных форм внутритюремной виктимизации. УИК РФ закрепляет право осужденных на личную безопасность, но его эффективность зависит от того, насколько быстро администрация реагирует на угрозы, имеются ли безопасные каналы сообщения, не воспринимается ли обращение за защитой как нарушение неформальных правил, обеспечивается ли конфиденциальность информации. В зарубежных практиках используются разные механизмы: независимые инспекции, омбудсмены, регулярные конфиденциальные опросы, видеонаблюдение с защитой данных, специальные подразделения оценки рисков, перевод в безопасное место без ухудшения правового положения заявителя. Российская система может использовать эти решения избирательно, сохраняя ведомственную управляемость, но усиливая доказуемость и проверяемость реакции на угрозу.

Дисциплинарная ответственность заключенных является сферой, где баланс безопасности и гуманизма наиболее сложен. Международные стандарты не исключают дисциплинарных мер, но требуют их законности, соразмерности, запрета коллективных наказаний, фиксации основания, возможности обжалования и медицинского контроля в случаях изоляции. Европейские обновленные подходы специально акцентируют ограничение одиночного заключения и регулярное посещение лиц, находящихся в таких условиях, начальником учреждения или уполномоченным сотрудником, а также врачом [12]. Российское законодательство предусматривает дисциплинарные меры, включая водворение в штрафной изолятор и перевод в помещения камерного типа, однако научная проблема состоит в том, чтобы исключить превращение дисциплинарного воздействия в скрытую форму дополнительного наказания. Для этого необходимы стандарты мотивировки решений, доступ к юридической помощи, проверяемая медицинская оценка, запрет использования дисциплинарной изоляции при состояниях, требующих лечения, и статистический анализ повторного применения взысканий. Если одно и то же лицо многократно подвергается строгим взысканиям, это может свидетельство-

вать не только о его устойчивой противоправной установке, но и о неэффективности индивидуальной работы.

Важным критерием гуманности пенитенциарной системы является сохранение социальных связей заключенного. Международные стандарты рассматривают контакты с семьей и внешним миром как средство ресоциализации, а не как льготу, полностью зависящую от усмотрения администрации. Российское законодательство предусматривает свидания, переписку, телефонные разговоры, получение посылок и передач, но практика их реализации зависит от удаленности учреждений, транспортной доступности, технической оснащенности, режима, поведения осужденного и ведомственных правил. Для России особенно остра проблема территориальной удаленности мест отбывания наказания от места жительства семьи. Зарубежные практики, основанные на размещении ближе к социальному окружению, развитии видеосвязи, семейных программах, участии социальных работников и подготовке семьи к освобождению, могут быть адаптированы с учетом безопасности. В условиях суверенного развития такой подход не противоречит национальным интересам, поскольку поддержание устойчивых социальных связей снижает риски рецидива, облегчает трудоустройство после освобождения и уменьшает нагрузку на государственный контроль.

Сравнительный анализ показывает, что вопрос труда заключенных также требует осторожной оценки. Российская традиция придает труду осужденных важное исправительное значение. Это соответствует идее социальной полезности и поддержания трудовых навыков. В то же время международные стандарты требуют, чтобы труд не носил унижающего характера, не причинял страданий, был безопасным, по возможности профессионально полезным и не превращался в эксплуатацию. В зарубежных системах труд заключенных часто связан с профессиональным обучением, сертификацией квалификаций и последующим трудоустройством. Российская практика нуждается в усилении именно этого компонента: труд должен рассматриваться не только как средство занятости и обеспечения режима, но и как элемент будущей легальной экономической интеграции. Если работа в исправительном учреждении не формирует востребованных навыков, не связана с обучением и не помогает после освобождения, ее исправительный потенциал снижается.

Гендерный аспект обращения с заключенными имеет самостоятельное значение. Бангкокские правила обращают внимание на специфические потребности женщин, включая медицинскую помощь, беременность, материнство, гигиену, защиту от насилия, учет предше-

ствующей травматизации и необходимость более широкого применения мер, не связанных с лишением свободы. Российское законодательство содержит специальные положения о женщинах, беременных женщинах и женщинах, имеющих детей, однако практическая реализация этих гарантий требует развития специализированной медицины, психологической помощи, семейно ориентированных программ и подготовки персонала. В российской научной литературе неоднократно отмечалось, что универсальные стандарты должны конкретизироваться применительно к отдельным категориям осужденных, поскольку формальное равенство не всегда обеспечивает фактическую защиту [5; 7]. Для суверенной российской модели это особенно важно: защита материнства, семьи и детства является не внешним заимствованием, а конституционно и социально значимой ценностью.

Отдельного внимания заслуживает проблема внешнего контроля. Международные стандарты исходят из того, что закрытые учреждения не могут эффективно контролироваться только изнутри. Зарубежные практики используют различные формы инспекций, судебного контроля, парламентского надзора, омбудсменов, общественных наблюдательных механизмов и независимых медицинских проверок. В России существует прокурорский надзор, судебная защита, ведомственный контроль, институт уполномоченных по правам человека и общественные наблюдательные комиссии. Проблема состоит не в отсутствии контрольных форм, а в их процессуальной эффективности, регулярности, доступности для осужденных и способности приводить к реальному устранению нарушений. Суверенное правовое развитие предполагает, что контроль должен быть национальным по форме, но убедительным по содержанию. Если заключенный имеет право на жалобу, но опасается негативных последствий, не получает ответа по существу или не видит устранения нарушения, стандарт остается декларативным.

В условиях изменения международно-правового положения России особое значение приобретает вопрос о соотношении универсальных и региональных стандартов. Российская Федерация прекратила членство в Совете Европы; официальный сайт МИД России указывает, что Россия исходит из прекращения действия ЕКПЧ для нее с 16 марта 2022 г., а Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ закрепил прекращение действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы [16]. Это обстоятельство не отменяет значения универсальных стандартов ООН и не устраняет конституционные требования уважения достоинства личности, запрета жестокого обращения и обеспечения судебной защиты. Оно лишь меняет юриди-

ческий механизм внешнего влияния: на первый план выходят собственные конституционные гарантии, национальная судебная практика, прокурорский надзор, общественный контроль, научная экспертиза и добровольное использование лучших зарубежных решений. При этом Конституционный Суд Российской Федерации еще до выхода России из Совета Европы сформулировал позицию о необходимости соотношения исполнения международных решений с верховенством Конституции Российской Федерации; в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П была подчеркнута готовность к правомерному компромиссу при сохранении конституционных пределов [17].

Суверенное правовое развитие в пенитенциарной сфере не должно пониматься как отказ от сравнительного метода. Напротив, именно суверенный подход требует самостоятельной оценки: какие стандарты имеют универсальный гуманитарный характер и должны соблюдаться независимо от политического контекста; какие являются региональными управленческими рекомендациями; какие могут быть применены в России без изменения основ системы; какие требуют ресурсной подготовки; какие противоречат национальной модели или не подтверждают эффективности. Такой подход отличается как от правового изоляционизма, так и от механической рецепции. Например, принцип уважения достоинства личности, запрет пыток, право на медицинскую помощь, безопасность, жалобу, информацию и связь с семьей не могут рассматриваться как «чужие» стандарты. Они имеют собственное российское конституционное основание. В то же время конкретные формы организации тюремного пространства, типы учреждений, модели probation, дисциплинарные процедуры и порядок внешнего мониторинга могут варьироваться с учетом правовой системы, бюджета, криминологической ситуации и структуры преступности.

Российская уголовно-исполнительная наука предлагает достаточно взвешенную позицию по данной проблеме. В. А. Уткин подчеркивает, что международные стандарты не следует воспринимать стереотипно: они разнообразны по юридической природе, степени обязательности и адресатам, поэтому их значение состоит не в автоматическом воспроизведении, а в правильном понимании их функции для национального законодательства [6]. Н. Б. Хуторская, анализируя принципы Правил Манделы, показывает необходимость их сопоставления с действующими нормами УИК РФ, а не абстрактного противопоставления международного и национального права [9]. А. А. Новиков обращает внимание на то, что международные документы могут служить ориентиром совершенствования российского пенитенциарного законодательства, но их применение должно учитывать особенности отечественной

системы [1]. И. В. Пикин и Т. В. Пикина рассматривают международные стандарты через категорию правового статуса осужденного, что позволяет перенести дискуссию из плоскости деклараций в плоскость конкретных субъективных прав, обязанностей, запретов и гарантий [3]. Такой научный подход представляется наиболее продуктивным.

Практическая адаптация международных стандартов в России должна идти по нескольким направлениям. Первое направление связано с индивидуализацией исполнения наказания. Формальное распределение осужденных по видам учреждений и условиям отбывания должно дополняться реальной оценкой рисков, потребностей, уровня образования, семейных связей, состояния здоровья, трудовых навыков и вероятности рецидива. Второе направление состоит в развитии медицинской и психологической помощи, включая независимую фиксацию телесных повреждений, профилактику суицидов, лечение зависимостей, сопровождение лиц с хроническими заболеваниями и непрерывность лечения после освобождения. Третье направление предполагает укрепление личной безопасности и противодействие насилию внутри учреждений. Четвертое направление связано с расширением социально полезных контактов, в том числе через технические средства связи при сохранении разумных ограничений. Пятое направление требует профессионализации персонала: международные стандарты фактически невыполнимы, если сотрудник воспринимается только как носитель власти и дисциплинарного ресурса, а не как профессиональный участник процесса исправления.

Особое место занимает подготовка персонала. Зарубежные практики показывают, что гуманизация исполнения наказания невозможна без изменения профессиональной культуры сотрудников. Персонал должен владеть навыками коммуникации, деэскалации конфликтов, выявления психических расстройств, профилактики суицидального поведения, работы с уязвимыми категориями, документирования инцидентов и правового общения с осужденными. В российской системе ведомственное образование ФСИН обладает значительным потенциалом для такого развития. Суверенная адаптация международных стандартов здесь может выражаться в разработке российских программ подготовки, основанных на отечественном законодательстве, но учитывающих проверенные зарубежные методики. Это позволит избежать как формального копирования, так и замыкания системы на собственных административных привычках.

Нельзя игнорировать и ресурсный аспект. Международные стандарты требуют не только правовых деклараций, но и материальных условий: достаточной жилой площади, санитарии, медицинского оборудования, кадров, доступа к

образованию, помещений для свиданий, технической инфраструктуры связи, систем видеонаблюдения и документооборота. В этом смысле сравнение России с зарубежными практиками должно быть честным: невозможно требовать немедленного воспроизведения дорогостоящих моделей без учета бюджетных и территориальных условий. Однако ресурсные ограничения не оправдывают пытки, унижение, отсутствие медицинской помощи, игнорирование жалоб или угрозу жизни. Следовательно, стандарты следует делить на абсолютные и программные. Абсолютные стандарты подлежат немедленному соблюдению; программные требуют планомерного внедрения, финансирования и организационной перестройки.

В научном отношении наиболее перспективным является переход от вопроса «соответствует ли Россия международным стандартам» к вопросу «какие правовые и организационные механизмы обеспечивают достижение целей этих стандартов в российской системе». Такой подход позволяет оценивать не внешнее сходство норм, а функциональный результат. Например, если международный стандарт требует эффективной жалобы, то важно не только наличие статьи УИК РФ, но и срок рассмотрения, независимость проверки, защита заявителя, возможность судебного контроля и реальное устранение нарушения. Если стандарт требует медицинской помощи, то оценивается не только право на обращение к врачу, но и фактическая доступность лечения. Если стандарт требует ресоциализации, то анализируется не число воспитательных мероприятий, а способность лица после освобождения жить без преступления. Именно функциональный критерий позволяет соединить международные ориентиры с суверенным правовым развитием.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что международные стандарты обращения с заключенными представляют собой не внешнюю политико-правовую надстройку, а концентрированное выражение минимальных требований к законному, гуманному и рациональному исполнению лишения свободы. Российское уголовно-исполнительное законодательство в значительной мере содержит нормативные положения, корреспондирующие Правилам Нельсона Манделы, Бангкокским правилам и иным международным ориентирам, однако основная проблема заключается в качестве институциональной реализации этих положений. Зарубежные практики показывают значимость нормализации, индивидуализации, динамической безопасности, независимого контроля, медицинской автономии и поддержания социальных связей. Для России эти элементы должны адаптироваться с учетом колониальной структуры учреждений, задач безопасности, территориальных особенностей, конституционного приоритета и националь-

ной уголовно-исполнительной традиции. Суверенное правовое развитие не предполагает отказа от международных стандартов, поскольку уважение достоинства, запрет жестокого обращения, охрана здоровья, личная безопасность и право на обращение за защитой имеют не только международную, но и российскую конституционную природу. Перспективной является модель функциональной имплементации, при которой международные стандарты используются как критерии качества национальной пенитенциарной политики, а не как механически заимствуемый текст. Наиболее значимыми направлениями совершенствования выступают развитие индивидуальных программ исправления, повышение эффективности медицинского обеспечения, защита от внутрисистемного насилия, обеспечение реальности жалоб, расширение социально полезных контактов, профессиональная подготовка персонала и усиление национальных форм внешнего контроля. Такой подход позволяет совместить гуманистическое содержание исполнения наказания, безопасность общества и учреждений, конституционный суверенитет и научно обоснованное использование зарубежного опыта.

Список литературы:

- [1] Новиков А. А. Международные стандарты в сфере обращения с заключенными в свете совершенствования российского пенитенциарного законодательства // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 43–49.
- [2] Павленко А. А. Влияние международных стандартов обращения с осужденными на реформирование режима исполнения лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 2 (129). С. 10–15.
- [3] Пикин И. В., Пикина Т. В. Международные правовые стандарты в сфере регулирования правового статуса осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 1. С. 42–47.
- [4] Селиверстов В. И. Перспективы тюремного содержания осужденных в свете национальных интересов России, зарубежного опыта и международных стандартов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 3 (802). С. 229–238.
- [5] Тепляшин П. В. Европейские пенитенциарные системы : теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2019. 46 с.
- [6] Уткин В. А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8). С. 89–96. DOI: 10.17223/23088451/8/14.
- [7] Уткин В. А. Права осужденных в исправительных учреждениях: ограничения и обеспече-

ние // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 96–106. DOI: 10.17223/22253513/46/7.

[8] Тепляшин П. В. Европейский пенитенциарный комплаенс: постановка вопроса, факторы актуализации и стратегические риски для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 235–239.

[9] Хуторская Н. Б. Реализация принципов Правил Манделы в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 3 (774). С. 181–188.

[10] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) : resolution adopted by the General Assembly on 17 December 2015, A/RES/70/175. New York : United Nations, 2015.

[11] United Nations Rules for the Treatment of Women Prisoners and Non-custodial Measures for Women Offenders (the Bangkok Rules) : resolution adopted by the General Assembly on 21 December 2010, A/RES/65/229. New York : United Nations, 2010.

[12] Council of Europe. Recommendation Rec(2006)2-rev of the Committee of Ministers to member States on the European Prison Rules. Strasbourg : Council of Europe, 2020.

[13] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

[14] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ : ред. действующая.

[15] УИК РФ. Статья 101. Медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы.

[16] Министерство иностранных дел Российской Федерации. О выходе России из Совета Европы : справочный материал.

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П.

References:

[1] Novikov A. A. International standards in the field of treatment of prisoners in the light of the improvement of Russian penitentiary legislation//Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2014. № 1 (30). S. 43-49.

[2] Pavlenko A. A. Influence of international standards for the treatment of convicts on the reform of the regime of deprivation of liberty//Vedomosti of the penal system. 2013. № 2 (129). S. 10-15.

[3] Pikin I.V., Pikina T.V. International legal standards in the field of regulating the legal status of convicts//Vedomosti of the penal system. 2019. № 1. S. 42-47.

[4] Seliverstov V.I. Prospects for the imprisonment of convicts in the light of the national interests of Russia, foreign experience and international standards//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and teaching sciences. 2018. № 3 (802). S. 229-238.

[5] P.V. Teplyashin. European penitentiary systems: theoretical-applied and comparative-legal research: abstract. dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.08. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. 46 pp.

[6] Utkin V. A. International standards of penitentiary activity and stereotypes of their perception//Criminal justice. 2016. № 2 (8). S. 89-96. DOI: 10.17223/23088451/8/14.

[7] Utkin V. A. Rights of convicts in correctional institutions: restrictions and support//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. № 46. S. 96-106. DOI: 10.17223/22253513/46/7.

[8] Teplyashin P.V. European Penitentiary Compliance: Raising the Issue, Actualization Factors and Strategic Risks for the Penitentiary System of the Russian Federation//Bulletin of Tomsk State University. 2019. № 444. S. 235-239.

[9] Khutorskaya N. B. Implementation of the principles of the Mandela Rules in the penal legislation of the Russian Federation//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and teaching sciences. 2017. № 3 (774). S. 181-188.

[10] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) : resolution adopted by the General Assembly on 17 December 2015, A/RES/70/175. New York : United Nations, 2015.

[11] United Nations Rules for the Treatment of Women Prisoners and Non-custodial Measures for Women Offenders (the Bangkok Rules) : resolution adopted by the General Assembly on 21 December 2010, A/RES/65/229. New York : United Nations, 2010.

[12] Council of Europe. Recommendation Rec(2006)2-rev of the Committee of Ministers to member States on the European Prison Rules. Strasbourg : Council of Europe, 2020.

[13] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993: with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020.

[14] Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law of 08.01.1997 No. 1-FZ: current edition.

[15] PEC RF. Article 101. Health care for those sentenced to imprisonment.

[16] Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. On Russia's withdrawal from the Council of Europe: background material.

[17] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.2015 No. 21-P.